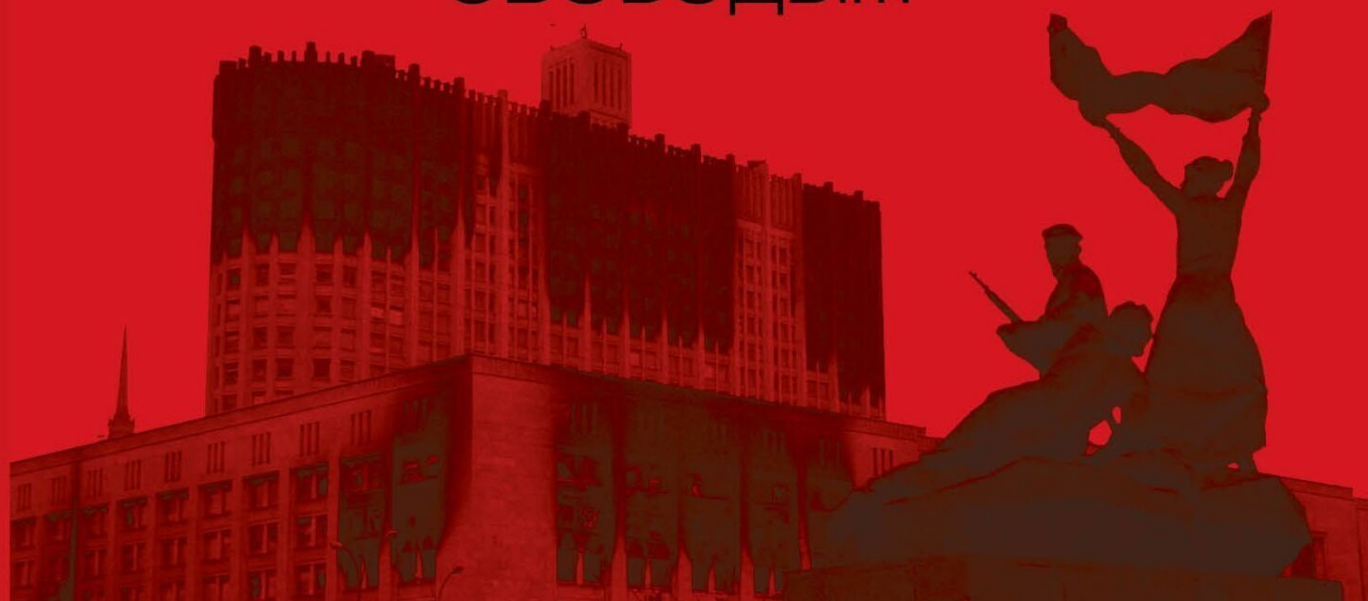

БОРИС ЕЛЬЦИН

ВОСПОМИНАНИЯ ЛИЧНЫХ ПОМОЩНИКОВ

ТО БЫЛО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ
СВОБОДЫ...

Лихолетье: свидетели 1990-х.

Александр Коржаков

**Борис Ельцин. Воспоминания
личных помощников. То было
время великой свободы...**

«Алисторус»

2021

УДК 327
ББК 66.4

Коржаков А. В.

Борис Ельцин. Воспоминания личных помощников. То было время великой свободы... / А. В. Коржаков — «Алисторус», 2021 — (Лихолетье: свидетели 1990-х.)

ISBN 978-5-00180-271-6

То было время великой свободы, которая зачастую противоречила здравому смыслу. Эту свободу привнес первый президент России Борис Ельцин. Взбалмошный самодур и жесткий политический лидер, сложный и противоречивый человек. О том, каким был Борис Ельцин, как принимались политические решения, повернувшие ход истории страны, вспоминают люди, входившие в круг самых близких, доверенных лиц: его пресс-секретарь (Павел Воцанов), первый помощник (Лев Суханов), министр финансов (Борис Федоров), близкий друг (Михаил Полторанин) и начальник службы безопасности президента (Александр Коржаков) рисуют сложный и многогранный портрет не только «царя Бориса», и но и целой эпохи. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-00180-271-6

© Коржаков А. В., 2021
© Алисторус, 2021

Содержание

Михаил Никифорович Полторанин	6
Воруй-город и красная гусеница	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Михаил Полторанин, Александр
Коржаков, Павел Воцанов,
Лев Суханов, Борис Федоров
Борис Ельцин. Воспоминания
личных помощников. То было
время великой свободы...**

© М. Полторанин, А. Коржаков, П. Воцанов, Л. Суханов, Б. Федоров, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Михаил Никифорович Полторанин **Власть в тротиловом эквиваленте**

Воруй-город и красная гусеница

1

Перебивать косточки власти – любимое занятие наших людей. На кухнях. За дружескими застольями. И даже в тайге.

Был у меня знакомый охотник-промысловик Федор Паутов, ловил капканами баргузинских соболей. В его закопченной сторожке я пару раз ночевал. Долгими зимними вечерами Паутов обрабатывал в избушке шкурки зверьков. Постоянное одиночество при подрагивании язычка пламени в керосиновой лампе рождало в охотнике самостоятельного философа. Он всему находил свое объяснение.

– Власть – это эгоистичная женщина, – говорил Паутов. – Она хочет быть у тебя единственной и на всю жизнь. Сколько проклятой ни давай, ей все мало. Ты вроде бы сам приводил ее в свой дом, а захочешь прогнать – не получится. С местными начальниками проще. А с самыми большими – никак. Оплот у них очень надежный.

А оплот – кто? На это у охотника тоже имелся ответ: феодалы. Они были и будут всегда. Разговоры наши шли еще в советские времена, и феодалами Паутов называл партийных секретарей.

Охотник мужицким чутьем доходил до понимания характера власти в Советском Союзе. Да и не только он. Народ хоть и не участвовал в назначениях кремлевских постоянцев, но видел, из каких элементов конструировался режим.

Кремлевские постоянцы – генеральные секретари ЦК КПСС – не были самодержцами Всея Руси. Из своей среды их отбирали и ставили на божницу члены Центрального комитета – первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик. По определению охотника Паутова, феодалы. Сговорившись, эти феодалы могли сместить генсека, что они сделали с Никитой Хрущевым. Но это был исключительный случай. Первые секретари оберегали режим от малейших встрясок, потому что были его опорой и сердцевиной.

Они, как гусеницы, готовились превратиться в бабочек, чтобы, расправив крылья, самим взлететь на божницу. И до сих пор непонятно, по каким признакам секретари отбирали себе вождей. Теперь это не так важно.

Важнее осмыслить другое: как умудрились они сдать свою, казалось бы, неприступную власть и страну? Как из партийных секретарей выклевывались руководители постсоветской поры, и в частности новой России? Как из номенклатурной гусеницы вызревало крылатое существо и воспаряло в большую политику? И наконец, какая среда формировала взгляды, сортировала красных партийных гусениц по полочкам иерархии? Прежде чем перейти к конкретным фамилиям – и в первую очередь к фамилии Ельцин – сделаю краткий экскурс в историю с секретарями.

За двадцать пять лет работы в советской печати я повидал много партийных функционеров. С кем-то сходил на короткое, с кем-то общался по долгу службы. Сегодня их преподносят как этакий монолит, как безликий отряд исполнителей, обструганных сусловским ретроградством. Нет, это были разные люди, порой разные до противоположности – и по широте кругозора, и по отношению к людям, к работе и даже по отношению к святым святым – самой

машине власти в СССР. Опираюсь в этих выводах на личные наблюдения. Поделюсь некоторыми из них.

С первым секретарем Восточноказахстанского обкома партии Неклюдовым я познакомился, как говорится, по случаю. Московский журнал «Партийная жизнь» заказал ему статью о перспективах социально-экономического развития Рудного Алтая. Край этот был тогда на подъеме: добывал золото, серебро и редкоземельные металлы, перерабатывал урановое сырье, выпускал машины, строил заводы и гидростанции. Как там трудились в обкоме над материалом, не ведаю, но звонит Неклюдов редактору областной газеты «Рудный Алтай»:

– Мне отделы набросали статью – не статья, а сухая справка. Подошли молодого парня, не зашоренного штампами, мы тут с ним поработаем...

Молодым литсотрудником был я, меня и отрядили на рабское дело.

Мне пришлось поднять ворохи документов, протоколы пленумов и заседаний бюро – там же, в обкоме, накропал на машинке новый вариант статьи Неклюдова, который журнал и опубликовал. Через какое-то время звонит помощник секретаря: его шеф вызывает меня к себе.

Никогда не ждешь приятностей от походов к начальству. Но тут хозяин кабинета подходит к столу в комнате отдыха – там самоварчик и два стакана в «партийных» подстаканниках, ломтики лимона на блюдцах. Это был фирменный набор для частных бесед у обладателей номенклатурных кабинетов. В самоваре не чай, а коньяк. Секретарь нацедил по полстакана, открыл сейф и протянул мне конверт с деньгами.

– Вот гонорар за статью, он ваш, – сказал он, взявшись правой рукой за стакан. – Нет, нет, возражать бесполезно. Чужую работу я присваивать не приучен. Давайте за успешное дело и еще раз спасибо!

На том и расстались.

У парторботников считалось за правило ездить по своим регионам и «шевелить» хозяйственное начальство. Часто мотался по области и Неклюдов. Но было у него еще одно правило: он всегда готов был посадить в свою машину кого-то из журналистов. Не для пиара, а чтобы подбросить к объекту. Звонит редактору газеты помощник секретаря: «Завтра шеф едет на Зыряновский свинцово-цинковый комбинат. Есть место в машине. Быть в семь утра у обкома». Или: «Завтра шеф едет на Бухтарминскую ГЭС, выезд в шесть утра». Расстояния в области большие, а с транспортом у редакции было худо. Иногда редактор отказывался из-за нехватки штыков, а чаще звал кого-то из свободных сотрудников и отправлял в командировку «окунуться в проблемы». Многократно приходилось ездить и мне.

В долгой дороге не всегда попадались столовые. Останавливались и, подняв капот машины, подогревали на двигателе банки с тушенкой. Управлялись с банками всем экипажем.

Мы не составляли свиту секретаря. А добравшись в его машине до места, шли заниматься своими делами, возвращаясь обратно на перекладных. И все же я видел не раз, как этот прямолинейный рязанский мужик резко отчитывал директоров за очковтирательство, за тесноту в рабочих бытовках и даже за грязь в туалетах.

По правде сказать, думалось поначалу, что этот человек с боксерскими кулаками такой смелый с людьми, от него зависящими. Но как-то на территории титано-магниевого комбината я стоял в окружении монтажников и слушал их жалобы на неустроенность. Подъехали несколько легковых машин, из первой вышли Неклюдов и всеильный председатель Совмина СССР Косыгин, прилетевший в область с инспекцией. Они покрутились вокруг строящегося цеха и направились к монтажникам. К моим недавним собеседникам стали подтягиваться другие рабочие.

Обычные вопросы приезжего начальства: как живете? как дела? Будто трубу прорвало, как полилось из людей недовольство. Плохо с жильем, нет детсадов, прожить на зарплату

трудно. И все в том же духе. Косыгин слушал, покусывая губы, потом, как мне показалось, со злобой произнес:

– Хватит! Плохо работаете! Надо лучше работать – тогда и жить будете лучше.

Наступила неловкая тишина. И тут раздался простуженный голос Неклюдова:

– Не надо людей обижать, Алексей Николаевич. Работают они хорошо. Плохо работает ваш Госплан: дает средства и фонды только на промышленные объекты, а весь соцкультбыт зарубает. Вот достроим цеха, но кто в них будет работать? Некому!

Было заметно, как у предсовмина краснеют уши.

– Ну, это обсуждать не на митингах, – сердито бросил Косыгин. И они уехали.

Не знаю, какие у них разговоры были потом – и в области, и в Москве, только пошли вскоре деньги и на жилье, и на школы с детсадами, и даже на дворец культуры. За короткое время вырос большой поселок Новая Согра. А Неклюдов работал еще несколько лет.

Почему так подробно рассказываю о человеке с чужого теперь для России Рудного Алтая. Не потому, что это впечатление молодости. Неклюдов не составлял исключения, более того, он был типичен в секретарской среде 60—70-х годов прошлого века. Перейдя работать в газету «Правда» – «Правда» была тогда не нынешним зюгановским бюллетенем, а могущественным изданием тиражом 14 миллионов экземпляров, где, помимо официоза, печатались публицистические статьи, фельетоны, аналитические материалы, – я имел возможность много ездить по стране. И видел немало подобных секретарей – особенно в России.

Невозможно забыть того же Конотопа, первого секретаря Московского обкома КПСС. Он не просто противился установкам партии на уничтожение «неперспективной» деревни, а даже с некоторым вызовом бросил все силы на благоустройство этой деревни – жильем, школами, детсадами и магазинами. К тому же Василий Иванович сидел как заноза в номенклатурной попе чиновников центральных аппаратов ЦК и Совмина – не позволял вырубать леса Подмосковья под расширение дачных угодий. И те в отместку стучали на него Брежневу при каждом удобном случае. Мы в «Правде» старались поддержать руководителя московского обкома сочувственными публикациями. Хотя всякий раз получали за это нагоняй от наших кураторов.

И Конотоп, и Неклюдов, и множество других первых секретарей попали на эти должности в хрущевский период демонстративного «очеловечивания партийных кадров». Вычищая сталинских назначенцев и являя себя демократом, Хрущев двигал на ключевые посты людей от сохи, которые придерживались здравого смысла в работе и еще не научились жить по принципу «чего изволите?». Немало этих секретарей досталось в наследство Брежневу.

Развращает любая власть. У первых секретарей она была немалая. Но в эпоху раннего Брежнева разгуляться им не давали – над всеми постоянно висел домоклов меч в виде твердой руки Суслова. Того самого Суслова, второго секретаря ЦК КПСС, ведающего партийными кадрами. Он имел тогда огромный вес, большое влияние, и даже генсек побаивался его – в костлявом Суслове ему мерещилась тень Сталина.

С одной стороны, это был закоренелый догматик, малюта скураторов для отступников от постулатов марксизма. Вынюхивал инакомыслие в трудах творческой интеллигенции. А с другой, представлял из себя бессребреника, аскета. Годами носил одну пару галош, а половину зарплаты отдавал в партийную кассу. Спартанского образа жизни Суслов требовал и от кадров. Он развернул борьбу с партийными попойками, получившими распространение при Хрущеве. Как приговор, не подлежащий обжалованию, стали звучать для секретарей обвинения в барстве и стяжательстве.

Сусловскую инквизицию – Комитет партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС – возглавлял другой экзекутор – Пельше. Он рассылал своих опричников по регионам, и те рыли землю в поисках компромата. По линии КПК было снято много голов с партийных секретарей, возмнивших себя удельными князьями. Результаты проверок и беспощадные вердикты по ним направлялись в партийные комитеты страны. Это заставляло других призадуматься.

С годами, однако, все заметнее набирал силу Брежнев, от коллективного руководства оставались одни ошметки. Была задвинута на задворки и спарка Суслова с Пельше. Построенная на принципе жесткого централизма КПСС, уже в который раз за свою историю подчинила себя воле чиновников из аппарата ЦК. Иного и быть не могло: централизм всегда приводит к единоначалию. Создавая любую вертикаль власти, упрешься в это единоначалие, где вождь только царствует, а его полномочия растащила стая приближенных чиновников.

При «ручном управлении» страной только сверхэнергичный Сталин, закаленный Гражданской войной и интригами, ухитрялся не отдавать свою власть в руки чиновничьего аппарата. Те же, кто шел после «вождя всех народов», в той или иной степени становились марионетками этого аппарата.

Брежнев, как известно, был сам большим жизнелюбом – и гулянки ему подавай, и золото, и охоту. А куда конь с копытом, туда и рак с клешней: чиновники аппарата ЦК тоже возлюбили подношения, поездки в те регионы, где и сауны с угощениями, и чемоданы с подарками занесут в самолет. Секретари обкомов, привыкшие честно работать и считавшие скромность за норму, в результате аппаратных интриг оказались чужими на этом празднике жизни. Система стала выдавливать их – человека за человеком. Ершистая позиция кадров, их твердость в отстаивании интересов дела воспринимались бюрократами-жизнелюбами наверху, как покушение на общественные устои.

Послевоенный экономический ренессанс убаюкивал многих. Все, что поднимало страну, все что делало ее сверхдержавой – и ракетостроение, и воздушный флот, и ядерная мощь, и многое другое – закладывалось и проектировалось в сталинские годы. Пусть иногда и в шарашках или зонах, окруженных колючей проволокой. Даже решение о строительстве первой атомной подводной лодки в СССР было подписано еще в сентябре 1952 года Сталиным.

А за темпами мирового научно-технического прогресса сталинская система кнута стала не поспевать. Дальновидные технократы – в Политбюро и Правительстве – бились с «карьерными партийцами», не нюхавшими производства, за обновление экономических механизмов. Удивительно, но борьба шла между прогрессивными членами ЦК и заскоружеными аппаратчиками, спекулировавшими близостью к генсеку. Надо было менять машину власти и принципы руководства экономикой, чтобы на всех уровнях людям стало выгодно добиваться высоких результатов работы. Только зачем это празднотворным чиновникам аппарата ЦК, если жареный петух не клюет! Они изо всех сил держались за систему кнута, но у которой для удобства «своих» вождей регионов свинтили гайки безответственностью и очковитирательством. Кнут – для рабочего люда, а для партийной бюрократии – больше уюта и льгот. Началось плавное, пока не очень заметное, перерождение этой бюрократии в буржуазию. Своего пика оно достигнет к концу 80-х годов.

По логике чиновников из Кремля, и что это за демагогия о приоритете интересов дела! Руководство страны, дескать, шупает теперь не результаты, а смотрит на показатели: нужна оптимистическая цифирь в отчетах. И цифирь радовала. А дела? Они частично отодвинулись на второй план. На Балхашском медеплавильном заводе в 1979 году я увидел в работе прокатный стан, выпущенный в Германии до войны. На нем красовались клейма со свастикой. По инструкции смазывать узлы стана полагалось салом шпик, но время было голодное, рабочие этого сала не видели, и для смазки использовали солидол. А стан буянил и безбожно мял лист: в цехе возвышались штабеля изуродованного проката. Между тем, на задворках завода уже не первый год лежал в ящиках новый импортный стан, купленный за валюту. Почему не монтируете? «А куда спешить, с плановыми показателями у завода полный ажур, к чему лишняя головная боль». В те годы много рыскали по предприятиям «народные мстители» – активисты комитетов народного контроля. Они доносили по инстанциям, что под дождем и снегом валяется по стране нового импортного оборудования на десятки миллионов долларов. В тех ценах!

Центральные газеты охотно печатали материалы контролеров, а КПК исключал виновных рассточителей из партии и отдавал на расправу прокуратуре.

Правда, аппаратчики ЦК всячески старались умирить пыл «народных мстителей». Чтобы они не лезли в газеты с разоблачениями и чтобы сами журналисты не зарывались, была дана команда Главлиту – этому защитнику гостайн – не допускать к печати материалы о громких фактах безхозяйственности. Варварское использование недр – государственная тайна. Печата- тать нельзя. Опасное загрязнение окружающей среды – государственная тайна. Даже низ- кую урожайность зерновых ввели в разряд государственных тайн. Первые секретари, которые думали только о личной карьере и которых народ называл временщиками, блаженствовали. Влиятельные чиновники из ЦК ставили заслоны от критики этих людей и их регионов. Потому что курировали их, кормились там и могли погореть, донеси до верхов кто-то правду. Появи- лось множество так называемых закрытых зон.

В одну из таких зон я прилетел как-то по просьбе народных контролеров. Шел теплоход по Оби и на фарватере в районе Сургута натолкнулся на что-то и пропорол днище. Полезли водолазы смотреть, а там все завалено стальными трубами. В Тюменском обкоме на контроле- ров прищипнули: не выносить сор из избы! Выяснилось, что виновник инцидента Миннефте- газстрой СССР – он прокладывал в области нефтепроводы. Трубы с «материка» привозили на баржах, складировали на берегах Оби, а дальше на машинах по участкам. Трассу нужно строго вести по проекту: геодезисты указывали проектировщикам гиблые места, где могут деформи- роваться трубы на стыках, и нефтепровод на чертежах огибал эти места. По утвержденному километражу составлялась смета.

Но строители шли напрямик, плюхали трубы в эти «сучьи места» (может быть, когда- то отрыгнется сие авариями!) и составляли отчеты о досрочном выполнении проектного зада- ния. Лишних труб набралось несколько десятков километров. Как с ними быть? Чтобы они не мозолили глаза пассажирам вертолетов, столкнули штабеля бульдозерами в Обь.

Повадки показушников из Миннефтегазстроя мне были известны. За несколько месяцев до поездки в Тюмень я летал на полуостров Мангышлак: там вводили в строй нефтепровод от нового месторождения к морскому терминалу. Все было торжественно – телекамеры, речи, оркестры. В величавых позах стояло руководство обкома партии. Запульсировала нефть из трубы, замминистра подставил ладони, и все вокруг озарилось от фотовспышек. Потом нефть перестала идти, сказали, что нужно кое-где подналадить. Что-то подозрительное было в этом шумном мероприятии. Назавтра я поехал по трассе и уже километров через пятнадцать увидел конец нефтепровода и там цистерны, из которых закачивали жидкость для показушной акции. А до месторождения, откуда и должна была течь нефть по трубам, ой как далеко! Проехал до него по нетронутой пустыне, и там меня встретили два гудящих огненных столба высотой с девятиэтажный дом – горели фонтанирующие скважины. Такие пожары случаются из-за гру- бого нарушения техники безопасности. Так что до реального пуска месторождения коню негде было валяться еще не один месяц.

Какой смысл обкомовским чиновникам Мангышлака и здесь, в Тюмени, прикрывать очковтирательство бракоделов? Вопрос профанистый по тем временам. Кому же было не понятно, что обком и прежде всего его первый секретарь – руководящая и вдохновляющая сила всех трудовых побед региона. Вернее, рапортов о них. Главное протрубить о досрочном вводе объектов. А министерство еще долгое время не будет спускать им плановое задание. Под видом доводки оборудования. Продукции нет, зато есть награды обкомовским и министерским чиновникам.

Тюмень и города вокруг нее (в состав области входил и Хантымансийский национальный округ) поразили меня тогда своей убогостью: деревянные домишки, сторбленные от старости, непролазная грязь. Ни культурных центров, ни современных микрорайонов. Многие семьи жили в балках. Балок – это горе, лыком подпоясанное: обрезок газопроводной трубы диамет-

ром 1,4 метра, обшитый досками с торцов и с вырезанными сварщиками окошками. Тюменские главки получали «под нефть» из Госплана громадные деньги и пытались обустроить город. Кивали при этом на Арабские Эмираты. Но все усилия пресекались первым секретарем обкома партии Богомяковым. «Никаких побочных трат! Все средства только для выкачки нефти». И шли отчеты из области – один радужнее другого.

Эта позиция Богомякова очень нравилась его кремлевским кураторам: в экономике обрзовывались провал за провалом, а на нефть можно купить за границей и зерно, и оборудование, и даже преданность ленинизму некоторых африканских режимов. На секретаря, журча, стекали награды – орден Ленина, орден Октябрьской Революции, два ордена Трудового Красного Знамени и прочая и прочая. Я спросил при встрече Богомякова: почему в области ничего не делается для людей?

– Стране нужна нефть, – ответил секретарь. – А народ может потерпеть.

Мы с ним тогда еще не знали, что всякому терпению приходит конец.

В Тюмени я подружился с одним из первооткрывателей сибирской нефти – начальником Главтюменьгеологии Фарманом Салмановым. Он тоже испытал на своей голове силу обкомовского кулака: несмотря на предупреждения построил крупный спортивный комплекс и получил строгий выговор.

– Нефть утечет, – сказал Салманов Богомякову на заседании бюро обкома. – А что вы оставите области?

Фарман сам сконструировал агрегат для разделки рыбы на строганину. Пригласил к себе на дачу для опробования изобретения начальников других главков и меня. Заправили агрегат мороженой нельмой – грохот, чешуя по всей комнате и истерзанные кусочки мяса.

За вечер успели и над хозяином пошутить и откровенно поговорить о проблемах Сибири.

А вскоре Салманов стал замминистра геологии СССР. Чтобы потом не возвращаться к его персоне, расскажу о казусе, произошедшем с ним.

В середине 92-го, будучи вице-премьером российского правительства, я порекомендовал Салманова Президенту РФ на должность министра топливной промышленности. Вместо одного из «мальчиков» гайдаровского призыва. Все-таки сколько открытий на счету Фармана, лауреат Ленинской премии, Герой Соцтруда, ученый – член-корреспондент Академии наук. И главное – принципиальнейший человек, любимец рабочего люда. Уж он бы не позволил Гайдару сначала обескровить доходную отрасль, а потом рассовать ее по карманам различных жучков. Ельцину понравилось досье на Салманова, и он пригласил его на беседу.

В тундре Фарман простудился и стал глуховат на одно ухо. На это же ухо был глуховат и Ельцин. В кабинете они сели наискосок друг к другу – тугое ухо в тугое ухо, и так общались несколько минут.

– Странный у нас был разговор, – сказал мне после встречи Салманов. – Какой-то нелепый разговор. Я ему об одном, а он мне про другое.

– Не подходит кандидатура, – позвонил мне после их встречи и Ельцин. – Я ему про Фому, а он мне про Ерему. Странноватый человек.

Я расспросил Фармана, как они сидели за столом, и все понял.

Так неверный поворот головы оставил целую отрасль без хорошего хозяина.

Тогда, по возвращении из Тюмени, я написал статью обо всем увиденном. Скандалил с цензорами, защищая абзацы, уговаривал начальство не резать по живому. Наконец материал поставили в номер. А поздно вечером по ТАССу прислали литерную ленту с пометкой «в номер!»: поздравление Брежнева Богомякову с очередным взятым рубежом и благодарность за ленинскую заботу о жителях области. Ну какой из журналиста конкурент товарищу Брежневу, и моя статья полетела в корзину. Оперативно работали ребята в аппарате ЦК!

Ну а были секретари, которые понимали губительность политики Центра и осуждали ее? За «всю Одессу» сказать не могу – многих из них наблюдал только на съездах КПСС, чинно

слушающих доклады и так же чинно жующих сосиски в буфетах Кремлевского дворца. Пишу только о том, что сам наблюдал, и о тех, с кем встречался. Да, были среди них люди, у кого диктат кремлевских чиновников вызывал тошноту и кто приходил в ярость от их глупых решений. Некоторые открыто выступали на пленумах ЦК КПСС, отстаивали передовые позиции. Чем и продвигали общее дело. Но чаще мятежи эти случались в кабинетных беседах, что называется, без права выноса разговора. Свидетелем таких камерных бунтов мне быть приходилось.

Меня командировали как-то в Приморье, посмотреть, насколько продвинулась работа по созданию единого транспортного узла из Дальневосточного морского пароходства, железной дороги и автопредприятий. Страны тихоокеанского региона готовы по Транссибу перебрасывать в Европу свои морские контейнеры и платить за это большие деньги. Дело для СССР весьма выгодное. Я поездил по краю, поговорил со специалистами. От порта Находка, куда должны приходиться контейнеры, до Транссиба проложена только одна колея. Там железнодорожные составы и заткнут пробкой весь транспортный поток.

В разговоре с первым секретарем Приморского крайкома партии Ломакиным я поинтересовался, ставил ли он перед Москвой вопрос о выделении средств для срочной прокладки второй колеи между Находкой и Владивостоком. Расстояние там небольшое, можно управиться быстро. Ломакин поднялся из-за стола и подозвал меня к большой карте Советского Союза, висевшей на стене.

– Конечно, ставил, – сказал он. – И о деньгах на реконструкцию угольных шахт тоже ставил – они у нас загигают. Но один очень известный в Союзе партийный вельможа подвел меня в своем кабинете к такой же карте и говорит: «Вот видишь, Приморский край свисает мешком к Китаю. Перекроют китайцы верхушку мешка южнее Хабаровска, и плакали наши денежки. Средств не получишь».

Ломакин помолчал немного, потом, добавив в голосе яда, произнес:

– Вы что же там, в Москве, совсем очумели. Уже и территориями готовы разбрасываться!

В порыве гнева он причесал под одну гребенку с партийными вельможами и меня. Тут было, конечно, не до обид.

Не меньше желчи вылил в своих высказываниях и первый секретарь ЦК компартии Киргизии Турдакун Усубалиев. Я приехал во Фрунзе (Бишкек) уже во время правления Андропова заниматься проблемами местничества. Таким приглушенным термином именовали тогда национализм. Киргизы с узбеками не могли поделить горные пастбища, дело доходило до перестрелок. Узбеки в отместку прекратили поставки цемента из Кувасаа строителям гидроэлектростанции на реке Нарын. А еще были крупные межнациональные разборки из-за воды для полива сельскохозяйственных культур.

Территорию Киргизии распирает клином Андижанская область Узбекистана. Проехать из Фрунзе на юг своей республики, в Ош, можно только через эту область. Иных дорог нет. И вот по распоряжению первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова соорудили на границах шлагбаумы и выставили около них милицейские посты. Останавливали все без исключения машины с киргизскими номерами. Высаживали пассажиров. И, вручив им мешки, направляли в поле собирать узбекский хлопок. Если насобирали по 20 килограммов каждый – езжайте дальше. А кто отказывался или не выполнял норму – поворачивайте назад.

– Я пытался поговорить с Шарафом Рашидовым, – делился со мной Усубалиев. – Но он ультимативно предложил передать его республике наши пастбища. Разве мы ханы какие, делать друг другу такие подарки. В Узбекистане полно денег для подмазки москвичей, плюс к этому Шараф кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. А кто я со своим Кыргызстаном?

По стране как раз шли «андроповские облавы»: в кинотеатрах вдруг прерывали сеансы и милиционеры с собаками проверяли у зрителей документы. Так пытались отлавливать тех, кто прогуливает в рабочее время. Хватили людей на рынках и в магазинах.

– Не тем занимается Андропов, – коснулся Усубалиев и этой темы. – Мелкая, вредная суета. По единству Союза уже трещины намечаются – вот за что надо браться всерьез. Я докладывал в ЦК КПСС о нарастании межнациональных кризисов в Средней Азии, а мне отвечают: разбирайтесь между собой сами. Если здесь сами начнут друг с другом разбираться, еще с оружием в руках, – что будет? О чем думает руководство партии?

О чем думали в руководстве партии, можно было судить хотя бы по высказываниям одного из влиятельных членов Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Кунаева. В том же году мы, группа публицистов центральных газет, прилетели в Алматы, и нас привезли на встречу с Кунаевым. На одной стене кабинета секретаря большой портрет хозяина из рисовой соломы («Подарок хлеборобов Кызыл-Орды»), на другой еще один портрет, вытканый из шерсти («Подарок чимкентских ткачих»). Чай с сушками на столе, недолгий рассказ об успехах республики. Потом Кунаев стал перечислять города Казахстана, куда бы он порекомендовал съездить. Можно в Караганду, там черная металлургия и шахты. Можно в Павлодар, где тракторный завод и производство ферросплавов. Можно в Актюбинск, в Усть-Каменогорск...

– А можно поехать в Орун-бори, – сказал после некоторой паузы Кунаев. – По-русски его называют Оренбург.

– Но это же Россия, – напомнил кто-то из журналистов.

– Нет, это Казахстан! – проговорил хозяин кабинета, прищурившись. – Россия прикарманила Оренбургскую область. Но мы считали и будем считать ее казахской.

До этого мне уже говорили, что любимое произведение Кунаева – националистическая книга Олжаса Сулейменова «Аз и я», где утверждается, будто цивилизацию в Европу принесли казахи на копытах своих лошадей.

Кстати, с середины 80-х годов прошлого века наше общество стало озабоченно почесывать в затылке: откуда в стране взялось столько нарывов, из которых потек гной сепаратизма и этнической нетерпимости. В союзных республиках и автономных образованиях России один за другим начали формироваться национальные народные фронты и им подобные организации, чьи усилия направлялись на разрушение государства. Продукция агитпропа винила в этом только и только происки империалистов и подрывную работу агентов влияния. Но нам, журналистам, хорошо знавшим закоулки партийных трущоб, в общем-то, было понятно, кто закладывал динамит под интернациональные основы страны. Это были сами партийные функционеры. Радикалы от интеллигенции и молодежь – только инструмент в их руках. Они вскармливали националистическое подполье, наускивали на Москву, а когда возня за власть в Кремле при чередке замен фамилий Брежнев – Андропов – Черненко – Горбачев ослабила скрепы, потащили козыри из рукавов.

Зачем это делалось? Выскажу парадоксальное мнение – от безысходности. Бюрократы союзного центра, желая сказать, кто в доме хозяин, переусердствовали в продавливании на местах своих некомпетентных решений. И что пагубнее всего, грубо пережали с администрированием. Заработанное всеми они складывали в общий котел, но делили уже по своему усмотрению. Те, кто был с командой Кремля на короткой ноге или давал взятки, купались в фондах. А многие были вынуждены обивать московские кабинеты, сталкиваясь с чванством чиновников. (По той же опасной дороге пошла теперь путинско-медведевская администрация – о чем чуть позже). Национальные кадры воспринимали это как проявление шовинизма великороссов. Мне запомнился разговор с первым секретарем ЦК Компартии Литвы Гришкявичюсом, когда приезжал в Вильнюс по заданию «Правды». Секретарь прошел всю войну, устанавливал в республике после нее советскую власть.

– В молодости я выкуривал «лесных братьев» из схронов, – сказал Гришкявичюс. – А сейчас так затянули бюрократическую удавку, что хоть самому отправляться в лес и начинать борьбу за свободу действий.

Партийные вожди автономных республик России тоже всюду эксплуатировали чувство национальной ущемленности. Особенно в Татарстане, Башкирии и Туве. Они мечтали об этнократии – собственном мини-государстве, где все решается с позиций примата интересов доминирующей национальности. Опять забегу вперед. Совсем не случайно в Казани, желая заручиться поддержкой автономных образований, Ельцин позднее бросил популистскую фразу: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите!». Он по личному опыту секретаря обкома, да и горкома партии, знал, насколько глубоко засел у всех в печенках диктат московской бюрократии, и решил спекулировать на чувстве протеста. Полагая, естественно, что это просто слова, а действия будут совсем другими. Но он не рассчитал взрывной силы высказывания, и пожар сепаратизма пополз по России.

2

Был обычай у журналистов центральных газет встречаться в пивбаре Домжура. Уютный подвал, где не переводились соленые сухарики, а иногда бывали и раки. Там можно было поговорить не спеша, поделиться увиденным в командировках. Рассказывали обычно истории, которые вымарывала из статей сверхбдительная цензура. Истории смешные и грустные.

Перед приходом к власти Горбачева буйство партийной фантазии в стране набрало немалую силу. Кто-то из журналистов вернулся из Ленинграда и поведал, как обком возглавил в городе поход против кровопийцев-комаров. В Ворошиловграде газетчика из Москвы провели на пост № 1 – так, по-мавзолейному, называли круглосуточный милицейский наряд у могилы жены первого секретаря обкома. Кто-то побывал в Краснодаре – там первый секретарь крайкома партии обязал население играть в шахматы. А в Волгограде областной вождь приказал снести бульдозерами все частные теплицы, чтобы люди покупали совхозные помидоры. Словом, поиск обкомами своего неповторимого почерка шел повсеместно.

При этом жизнь шла своим чередом: строились заводы, работали предприятия, снимали урожай с полей. Заведенный когда-то и обновленный «прогрессистами» механизм развития производства и хозяйственных связей продолжал функционировать. Иногда четко, а часто с перебоями. Успехи к многим коллективам приходили не благодаря помощи руководства областных комитетов, а вопреки их самодурским решениям. Потому-то союзные министры не подпускали обкомовцев к своим крупным предприятиям, особенно ВПК: «Пропагандой занимайтесь, командовать производством не позволим». Даже кадрами директоров и главных инженеров ведали министерства. Политбюро их поддерживало: страна должна развиваться, а не болтать. Хозяйственники сплошь и рядом были украшены синяками от незаслуженных партийных взысканий.

У меня был знакомый первоцелинник Саша Христенко, директор совхоза недалеко от нынешней Астаны. Он купил в воинской части списанный танк за копейки, без башни, чтобы зимой по бездорожью подвозить сено к животноводческим фермам. Бураны в степи наметают такие сугробы, что даже на тракторе «Кировец» не пролезть. Директора вызвали в обком и дали строгий выговор с занесением в учетную карточку за разбазаривание средств. Пришла зима, из-за метелей не видно белого света, а танк таскает себе на прицепах сено скоту. А по всей округе не могут пробиться к кормам – идет падеж. Опять вызывают в обком: отдай танк в соседний район. А Христенко упертый, бывший матрос Балтийского флота, говорит: «Фиг вам! Я же предлагал оснастить хозяйства танками, списанными на металлолом, а мне выговором по морде. Из принципа не дам!» Ну что же, раз из принципа, тогда получай – исключили директора из партии. Не терпели во многих обкомах людей, кто хватался за принципы, будто за пистолет. Москва заступилась за Христенко.

Но были регионы, которые при разговорах в Домжуре почти никогда не упоминались. Ни со знаком плюс, ни со знаком минус. Среди них была и Свердловская область. Мне не

доводилось бывать в ней, но знал, естественно, что область напичкана предприятиями военно-промышленного комплекса. А в регионах, где была сосредоточена «оборонка», обкомам отводилась второстепенная роль. Если на территориях с гражданскими отраслями секретари считались главными толкачами – ездили в Москву вышибать ресурсы, то здесь правили бал влиятельные союзные министры от «оборонки». И со средствами у них задержек не было, и даже руководящие кадры предприятий они, как я уже говорил, подбирали и назначали сами, формально согласовывая с местными партийными органами. А первые секретари, отодвинутые в сторонку, опекали в основном кто строительство, а кто сельское хозяйство.

И когда Ельцина утвердили сначала заводделом, а потом секретарем ЦК КПСС по строительству, все выглядело логично. Не было в этом выдвижении ничего унижительного, о чем заговорили потом недоброжелатели Бориса Николаевича. Прежде чем вырастить человека полноценным первым секретарем обкома, его, по неписанным правилам ЦК, обкатывали предварительно на разных должностях в других регионах. Для расширения кругозора. Тогда он, например, как Лигачев, мог сразу претендовать в ЦК на ключевые позиции. А Ельцин был из так называемых местечковых секретарей – в Свердловске учился, в Свердловске начал прорабом и в том же свердловском соку варился все остальные годы. Другой местечковый секретарь из Ставрополя Горбачев, несмотря на эксплуатацию курортных возможностей края, тоже не миновал ступеньки отраслевого секретаря. И свое перемещение в столицу в такой ипостаси Ельцин воспринял как шаг наверх. Тем более что генсек, как я позже узнал, наметнул ему на перспективы карьерного роста.

Заговорили журналисты о Ельцине весной 86-го года, когда он поработал несколько месяцев первым секретарем МГК КПСС. Годами сидел на этом месте член Политбюро Гришин, и от общественной жизни столицы тянуло такой казенщиной, хоть нос зажимай. Гришин появлялся на людях только в дни редких пленумов, восхвалял в тусклых речах руководство страны и рассказывал, какой рай создал для москвичей горком. Потом надолго исчезал в недрах охраняемых кабинетов, оставляя этих москвичей на растерзание взяточникам и бюрократам.

А Ельцин ввалился в Москву как контролер в подсобку универмага, где торгаши рассовывают дефицитный товар по сумкам друзей. В городе с устоями «рука руку моет» поднялся переполох. Секретарь сам ходил по магазинам и рабочим столовым, а из Свердловска пригласил большую группу надежных ребят, и те под видом просителей-москвичей провоцировали чиновников на взятки. Потом их брали с поличным. Но впечатляло не столько это, сколько откровенность публичных высказываний Ельцина. В это же время на экранах ЦТ постоянно мелькал Горбачев: его округлые, как окатыши, фразы, с неизменным «углубить» и «осмыслить», не доходили до сердца. Люди истосковались по честным словам. А Ельцин откровенно говорил о произволе бюрократии и о том, что дальше так жить невозможно.

На его встречу с московской интеллигенцией в доме политпросвещения я пришел из любопытства. Но в ответах секретаря на вопросы собравшихся звучала такая крамола, что впору наряд КГБ вызывать. Он возлагал вину на КПСС за многие промахи, а от самоуверенности центральных властей не оставил камня на камне. Много еще политического кипятка вылил на наши головы Ельцин.

В «Правде» мы напечатали несколько выступлений Бориса Николаевича. Цензура тряслась от бессилия: фрондировал не какой-нибудь бумагомарака, а кандидат в члены Политбюро. Для него у них руки коротки. В редакцию пошли письма с просьбами связать авторов с первым секретарем МГК – они готовы работать при нем даже дворниками. Так искренне тогда верили слову.

Осенью 86-го года, поздно вечером, у меня на квартире раздался телефонный звонок. В трубке я узнал скрипучий голос Ельцина. Борис Николаевич хотел бы встретиться со мной завтра утром, желательно часов в семь – больше будет времени для разговора. Приехал по еще

темной Москве, в кабинете бодрый Ельцин за голым столом, на котором только раскрытая папка с вырезками моих статей. Видимо, подготовленная помощниками. Поговорили о наших семьях и о том, как непросто приживаться в столице сибирякам.

– Я прочитал ваши статьи, – прервал хозяин кабинета разминочный разговор, – готов подписаться под многими. Мне сейчас очень нужны соратники.

Он снял пиджак и повесил его на спинку стула. Подошел к журнальному столику в углу и, скривившись, большим и указательным пальцами потянул газету «Московская правда». Так тянут из норки дождевого червя.

– Все, что она пишет, меня не устраивает, – произнес Ельцин. – Мне нужен новый главный редактор.

Он вернулся за стол и уже не таким жестким голосом продолжал:

– Предлагаю вам эту должность. Мне вас рекомендовал Валерий Иванович Болдин. Правда, у вас был там какой-то прокол, но это не поменяло его отношения к вам.

Прокол у меня действительно был. И серьезный. Болдин, будущий член ГКЧП, служил тогда помощником Генерального секретаря ЦК КПСС. Он хорошо знал меня по работе в «Правде». И в мае 85-го года, с ведома Горбачева, только что пришедшего к власти, включил в бригаду для подготовки доклада своего шефа на июньском пленуме ЦК. Пленум должен был подхлестнуть темпы развития научно-технического прогресса. Бригадой руководили будущие члены Политбюро Александр Яковлев и Вадим Медведев, мобилизовали в нашу компанию и нескольких академиков, в том числе Абела Аганбегяна. Меня привезли в Волыньское, где размещалась ближняя дача Сталина, и целых полмесяца не выпускали домой – там ночевал, там кормили и даже сигаретами обеспечивали. Секретность была, как в гуглаговских шарашках: можно заказывать любые совминовские документы, но все твои выписки из них, все твои черновики охрана вечером запихивала в полосатые мешки и уносила сжигать.

Когда я «отмотал» за забором Волыньского положенный срок, Яковлев разрешил мне взять с собой экземпляр доклада – пошлифовать кое-какие места. За чтением сего опуса меня и застал замглавного редактора «Правды» профессор от экономики Валовой. Он зашел ко мне в кабинет и, увидев разложенные по столу листы доклада, загорелся: «Дай взглянуть на полчаса. Прочитаю и сразу принесу». Как ни возражал, а настойчивость Валовой свое взяла. Не зря он слыл прилипчивым человеком. Ни через полчаса, ни через час доклад мне не вернули. Поднялся на этаж к Валовому, а секретарша: «Он срочно уехал домой». Никаких бумаг не оставил. И дома телефон отключен. Только назавтра принес мой должник строго конфиденциальный документ, пробормотав какие-то извинения.

А через пару дней в «Правде» выходит огромная редакционная статья Валовой, на полполосы, – можно сказать, не статья, а конспект горбачевского доклада о научно-техническом прогрессе. Не зря московский профессор прятался от меня почти целые сутки. До чего же шныроватый мужик! И меня-то угораздило попасться, как карасю на макуху, и подвести всю бригаду. Я был унижен и раздавлен. Ярость Горбачева, говорят, не знала предела. Еще бы! Ему читать доклад на пленуме, а с чем выходить – с перепевами газетной публикации? Пришлось помощникам срочно браться за текст.

Вкратце я рассказал эту историю Ельцину.

– Провинциальная простодырость, – равнодушно отреагировал он. И, припомнив, видимо, что-то свое, добавил: – Нам от нее надо избавляться в Москве. Иначе затопчут. А над моим предложением подумайте.

И мы договорились встретиться дня через три.

Меня в «Правде» не припекало: вольность с командировками у специального корреспондента, промышленяющего анализом эффективности партийного руководства экономикой страны. Не было потогонной системы. Посмотришь на карту Советского Союза – вот тут еще не бывал, надо подумать над темой и съездить. А перейти в городскую газету значило надеть на

себя вериги – в издании чиновники привыкли видеть сантехника и лезли с указаниями со всех сторон. Поэтому при следующей и других встречах с Ельциным я подробно обговорил условия перехода в «Московскую правду»: газета должна превратиться из подметальщика улиц в общественно-политическое издание с выходом по подписке на всю страну, а к редактору со всякими установочными звонками будет обращаться только первый секретарь МГК. Он согласился.

А какую сверхзадачу ставит Ельцин перед газетой? Ну, сказал он, надо помогать Михаилу Сергеевичу Горбачеву в его перестроечных усилиях. Тогда он еще дышал почтением при упоминании имени генсека. А в чем помогать? Ведь почти два года стоял у власти Горбачев, именно стоял, топтался на месте, и все это обернулось только эпидемией выборов директоров предприятий. Собирались на собраниях крикуны да бездельники и кричали: «Долой директора Петрова, он много требует. Сделаем начальником своего парня». Или призывы генсека шельмовать принципиальных хозяйственных руководителей, которые недовольны перестроечной болтовней партийных функционеров. И в этом поддерживать Горбачева? А может быть в том, чтобы по-прежнему усиливался диктат чиновников Центра, все меньше отвечающих за дела? Но, как говорят китайцы: «Не тот дурак, кто на чердаке сеял, а тот, кто ему помогал». Тогда я не понимал, что Горбачев и сам повязан цепями цековских условностей и не может рвануть постромки без риска потерять все.

Ельцин соглашался с доводами как-то пассивно, преодолевая внутренние сомнения. Одно дело бросать с трибуны на потребу публике якобинские фразы, но при этом в действиях своих строго придерживаться установок правящей стаи. И совсем другое – отважиться на полное или хотя бы частичное неприятие правил, установленных этой стаей. Психологически он еще комфортно чувствовал себя в оболочке партийной гусеницы.

Все же мы пришли к общему мнению, что «Московская правда» должна сосредоточить огонь на партийных вельможах и привилегиях, которые те нагребли под себя. Это ахиллесова пята бюрократии, потому что отгораживание номенклатуры от народа больше всего уязвляло людей. Через прорывы этой закрытой темы в газеты и можно было создать у недовольства обывателей критическую массу, способную толкнуть на активный протест.

Но Виктор Афанасьев, главный редактор «Правды», воспротивился моему переходу. Он вытащил меня когда-то из Казахстана в Москву, дал квартиру, и тут такой кувырок. Резонными были его доводы. Но мне хотелось, используя благоприятный момент, попробовать сделать из городской газеты общесоюзную. Да и планы первого секретаря по расчистке авгиевых конюшен в столице сулили нескучную жизнь. Член Политбюро Александр Яковлев, куратор всех идеологических институтов, взялся «утоптать» Афанасьева, но взамен потребовал у Ельцина уступить ему опытного китаиста из аппарата горкома партии. «Торгаши!» – ворчал Борис Николаевич, но все же согласился пойти баш на баш. И в декабре того же года я пришел в «Московскую правду».

3

За одиннадцать месяцев совместной с Ельциным работы мне пришлось стать свидетелем такой эволюции личности, которую другие переживали годами: от сгустка энергии, от уверенного в себе оптимиста до растерянного человека, упустившего твердь из-под ног. Он подробно описал свои московские ощущения в книге «Исповедь на заданную тему». Мне же хочется рассказать о своих ощущениях того непростого периода: как Ельцин выглядел со стороны и какие интриги закручивались в столичных кабинетах.

Кто и когда повесил на Москву ярлык образцового города – не так важно. Но было принято всем ставить ее в пример. Особенно по части производственных успехов. Не дай бог, если какой-нибудь щелкопер вякнет в газете по простоте своей о недостатках на заводах – его в

ЦК замордуют внушениями. Не могло быть негатива под боком ЦК! Но стоило внимательно присмотреться к делам, и открывалась безрадостная картина.

В министерствах москвичей называли «декабристами». Как и всем в стране, столичным предприятиям спускали из министерств задания на выпуск продукции. И часто эти годовые задания не выполнялись. А в декабре райкомы партии Москвы, спасая свои предприятия, упрощали руководителей ведомств скорректировать планы. Министры тоже не без греха. Они стояли на партучете в столичных райкомах и старались с ними не ссориться. Планы задним числом уменьшались, «декабристы» на бумаге оказывались в передовиках, да еще получали премии. А то, что Москве убавляли, профильным предприятиям других регионов прибавляли дополнительными заданиями. Чтобы не падали общие показатели отраслей. Так продолжалось многие годы.

Нужно поискать директоров-чудаков, чтобы при такой райской жизни они еще утруждали себя, скажем, модернизацией производства. Оборудование старело, заводы травили выбросами целые микрорайоны и шлепали продукцию, подобную автомобилю «Москвич». Когда делали фильм «Карл Маркс: молодые годы», производственные кадры снимали на одной из столичных фабрик. Натура удачно передавала ощущение той эпохи.

Мне не раз приходилось ездить с Ельциным по предприятиям. Бросалось в глаза, что он почти всегда был ошарашен увиденным. Возможно, сравнивал со свердловскими заводами военно-промышленного комплекса, где к автоматизированным линиям привыкли, как кухарка к сковороде. Еще более ошарашенным выглядел Ельцин, когда директора таких предприятий и секретари райкомов вместе с ними, вызванные на заседание бюро МГК, зачитывали по бумажкам отчеты о своей работе. И к хвастливому тону докладов, и к заверениям: «вып – перевып» дубовые стены зала давно привыкли. А Ельцин изумленно смотрел на докладчика («За идиотов, что ли, он нас принимает?»), не перебивая, что-то энергично записывал, а потом начал «распиливать» его по частям. Мне многократно приходилось быть на заседаниях бюро ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов, и я признавался себе, что такую цепкость, такую «убийственность» вопросов и такое знание деталей обсуждаемых проблем видел редко. Пишу во времена, когда доброе слово об интеллекте Бориса Николаевича считается неуместным. Но из любой песни не выкинешь слов. Он очень тщательно готовился к заседаниям и в процессе обсуждения, без криков и грубости, превращал самоуверенных особ, как бы пришедших за наградой, в наперсточников-очковтирателей. Но это было в первые месяцы нашей совместной работы.

Чем заканчивались такие сеансы моментов истины? Чаще всего с виновных сдирали начальственные погоны. Или заставляли выкладывать партбилет на стол. Когда позже Ельцина обвинили в издевательствах над московскими кадрами, имели в виду и эти открытые уроки ниспровержения. Коронуя его на Москву, Горбачев дал карт-бланш свердловскому выходцу в очищении столицы от гришинской мафии. И Ельцин со свежими силами рубил партийной секирой направо-налево, снимая головы с первых лиц районного чиновничества! А кого назначать вместо них? Не мобилизовать же из регионов Союза эшелоны честных профессионалов – назначали тех, кто прежде «ходил» под этими первыми лицами. У них была одна выучка, одни принципы жизни. Поскольку «первые» в закрытой от общества власти всегда подбирают «вторых» и всех остальных под себя. Оценивают их через сито своих моральных критериев. И сколько ни черпай из отравленного колодца, вода будет все та же.

Газета не могла стоять в стороне от борьбы с безответственностью чиновников. Поработав в «Моссправде» немного, я обнаружил в коллективе замечательных журналистов – они умели и материал подать ярко и докопаться до сути проблем. Не их вина, что газета прятала зубы перед чинушами даже среднего уровня, да и не очень заботилась о разносторонних интересах читателей. Такие были обозначены рамки под прессингом опекунов. А заставь того же краснодеревщика постоянно сколачивать ящики для отходов, и в нем тоже будут признавать

лишь косорукого плотника. Мне было легче, чем прежним редакторам, – в кармане у меня обещание Ельцина оградить творческий коллектив от мстительного дерганья многочисленными начальниками. Как шутили ребята, их, голодных, выпустили из загородки в урочище непуганых бюрократов. И редакция постаралась использовать свободу в интересах общего дела.

Приятно было смотреть, как раскрываются аналитические способности Аллы Балицкой или Марины Гродницкой. Работу райкомов партии и райисполкомов они изучали, что называется, с лупой в руках – в печать шли их статьи, где обнажались корни казенщины и показухи. На стройках и предприятиях готовы были кричать: «Полундра!» при появлении Наталии Полежаевой. Где брак, где приписки – она находила даже под толстым слоем вранья. Заблестел публицистическими материалами и Шод Муладжанов, нынешний главный редактор «Мосправды»: я сказал ему по секрету о договоренностях с Ельциным начать кампанию против беспредела вельмож. И он согласился взвалить на свои плечи небезопасную тему привилегий чиновников. Методично сдирая маску святош с лица бюрократии, ставил в газете вопрос: «почему?». Почему в обычных школах на головы детям валится штукатурка, а в спецшколах для отпрысков партийных вельмож бассейны в зеркалах, меблированные комнаты психологической разгрузки? Почему в обычных детсадах холод и теснота, а в спецдетсадах за ту же плату райский простор и даже зимние сады с певчими птичками? Почему в больницах для народа постоянные очереди и не хватает врачей, а в ЦКовских поликлиниках на каждого пациента по несколько медиков? Или почему во всех магазинах тотальный дефицит, а в спецраспределителях полный ассортимент продуктов и промтоваров по сниженным ценам? И таких «почему» с публицистическими раздумьями было много. Перед читателями открывалось истинное лицо номенклатуры: хищное, неприглядное.

С азартом работами и другие журналисты – хотел бы всех перечислить, да не об этом разговор. Одни устраивали рейды по магазинам и овощным базам – чем кормят москвичей? Другие занимались дегустацией духовной пищи – шли материалы о репертуарной политике, об отношении издательств к «неофициальным» писателям. Постепенно в редакции дозрели до вопроса: вот полощут всюду слово «перестройка», а что и как должно перестраивать общество? Если политическую систему, то на просевшем фундаменте возводить новые стены небезопасно. Что делать с фундаментом-то? Если браться за хозяйственный механизм, то как не выплеснуть вместе с водой и ребенка? Должны же мы вместе с читателями поискать брод через бурную реку проблем.

И газета завлекла к себе в авторы экономистов с реформаторскими идеями, специалистов по государственному устройству. С немалым трудом, после долгих стычек с цензурой и маскировки острейших мест, напечатали несколько громких статей. Об ущербности уравнительных принципов коммунизма и даже об архаичности ряда ленинских положений. Вскоре мне это припомнят, вытащив на ковер перед всем составом Политбюро, но про это чуть позже. Зато еще больше возрос интерес к нашему изданию.

Подписка на «Мосправду» росла по стране из квартала в квартал. Тираж поднялся в десять раз – со ста тысяч до миллиона экземпляров. Тут и вмешалось управление делами ЦК, по понятным причинам ограничив подписку.

Люди стали распространять газету, оттискивая на ксероксах полосы. Но все это было уже к концу 87-го года.

А в начале лета у нас состоялся с Ельциным памятный разговор. Мы остались в кабинете одни, выглядел Борис Николаевич обеспокоенно. «Вы ничего не замечаете?» – спросил он. А что конкретно надо было заметить? «Я снимаю чиновников за безобразия, а их устраивают на работу в ЦК, – продолжал он. – На бюро заставляем предприятия увеличивать выпуск продукции, а министерства целенаправленно режут фонды на сырье. И везде так: мы толкаем вперед, а нас тянут назад – какой-то тихий саботаж».

Ельцин поднялся из-за стола и стал прохаживаться по кабинету. Внешних причин для тревоги вроде бы нет, рассуждал он, и дисциплину в Москве подтянули, и все идеи первого секретаря чиновники одобряют. Но на словах. А на деле важные решения игнорируют – не демонстративно, но и без особой утайки. Кругом, как болото: бросаешь камни – только чавкает и тут же затягивается. Даже круги перестали идти. Все как будто чего-то ждут.

Мы в редакции тоже заметили: горком начал работать на холостых оборотах. Но объясняли это другим. Ельцин предпочитал внешний эффект от своих поступков: пошумит прилюдно о недостатках и ткнет в чью-нибудь сторону пальцем – «Поручаю!» или «Исправить!». Полагая, что все будет сделано как надо. А чиновники – народ ушлый. Первое время тут же брались за работу, но потом поняли, что Ельцин вскоре забудет о сказанном, переключится на другие проблемы. И что нужно только согласно кивать, а делать не обязательно. Никто не спросит. У горкома был большой аппарат инструкторов и инспекторов, но контроль за исполнением решений налажен из рук вон плохо. Любое дело гибнет от бесконтрольности: нужны не импульсивные жесты, а системная работа. Поручил – проверь: что, когда и как сделано.

Как можно мягче я сказал об этом Борису Николаевичу. Мой ответ его разозлил.

– Вот пусть редакция и возьмет на себя контроль, – пробурчал он.

Это было, конечно, нечто! Небольшой коллектив журналистов станет бегать по столичным предприятиям и сверять по партийным цидулькам – какие пункты каких решений еще не выполнены. А аппарат горкома будет дремать в кабинетах. Но первый секретарь уже забыл про свою идею. Он вслух размышлял, и из этих размышлений выходило: кто-то координирует действия против Бориса Николаевича, чтобы создать впечатление у Горбачева, будто Ельцин может только молотить языком, а на серьезное дело не способен. Ведь генсек не вникает в детали.

Подозрение засело в нем так глубоко, что он возвращался к этому разговору не раз. И было видно, как с каждой неделей им все сильнее овладевала апатия. Я часто приходил в горком. И если раньше стоял шум от посетителей в «предбаннике» Ельцина, то с середины лета это была, пожалуй, самая тихая зона. А директора предприятий и секретари горкомов кучковались в приемной второго секретаря горкома Юрия Белякова. Центр власти переместился туда. Беляков был верным соратником Бориса Николаевича, очень порядочным человеком – по просьбе шефа он переехал в Москву из Свердловска. Ельцин ему доверял и взвалил на него всю работу.

Были ли основания у подозрений Бориса Николаевича? Думаю, были. Московская бюрократия – это не только гигантское осиное гнездо, где ткнешь в одном месте – загудит и примется жалить весь рой. Московская бюрократия – это еще и что-то типа масонского ордена, где все скорешились на взаимоуслугах, переженились и сплелись в липкую паутину финансовых связей. Она простерла щупальцы в Кремль и различные министерства, делегировав туда своих представителей. Эксплуатируя притягательную силу столицы – кому для родственников союзных чиновников квартиру по блату, кому здания для подпольной коммерции – московская бюрократия повязала номенклатуру тугим узлом круговой поруки. Как говорится, живи в свое удовольствие да радуйся!

А тут свалился на голову заезжий гастролер из Свердловска. Если бы Ельцин сидел, подобно Гришину, как мышь под веником, не дергая мафию за хвост, его бы на тройке с бубенцами ввезли в члены Политбюро, о чем, кстати, очень мечтал Борис Николаевич, являясь только кандидатом. Но Ельцин посягнул на устои бюрократии, на ее уникальное положение, и она как один поднялась на оборону Москвы от «чужеземца». Как не поднималась в 41-м году, отдав эту черную работу сибирякам.

А сама отсиживалась в чистых квартирах города Куйбышева.

Бог не обделил Ельцина хитростью и коварством. И при желании он мог с их помощью нейтрализовать интриги бюрократии, разделяя и властвуя. Что потом Борис Николаевич с успехом делал на президентском посту. А здесь он видел, как Лигачев все откровеннее выра-

жал ему свою неприязнь. Но демонстративно, не учитывая несообразности сил, отвечал тем же. Он все еще надеялся на безоговорочную поддержку генсека и продолжал наживать врагов лобовыми атаками. Он полагал по каким-то ему известным причинам, что Горбачев и дальше будет тискать его, как нянька младенца, загораживая от колючего ветра и отгоняя партийных мух. Но ставропольский говорун уже начал увязать во внутрикремлевской борьбе и, потеряв интерес к московскому бузотеру, всем своим поведением как бы стал говорить: «Разбирайся там, парень, сам!» Я не раз заставлял Ельцина в кабинете очень расстроенным: звонил Горбачеву, там отвечали, что занят, – освободится, перезвонит. Но ответных звонков не было. По неписанным правилам номенклатуры это воспринималось как тревожный сигнал.

4

Ельцин начинал понимать, что он один. Но вместо того, чтобы собраться внутренне, активно искать выход из положения, секретарь горкома «поплыл». Из него, как из мяча, стал выходить воздух. Что делать дальше? Кругом враждебная среда, Москва, как клетка для вольнолюбивого льва. В Свердловске Ельцин махнул бы на север области, и там, у костра, под шулом из куропаток и сосвинскую селедочку пропустил бы с товарищами стаканчик-другой. На сердце полегчало бы, и в себе разобрался получше. А тут съездил раз-другой на Воробьевы горы побродить в одиночестве, полежал в барокамере, насыщаясь кислородом, – никакого удовлетворения. Душно от притворных улыбок чиновников с большой фигой в кармане. Кислорода в душах людей так не хватает, а всю Москву в барокамеру не засунешь! Могу свидетельствовать, что Ельцин тогда не пил, по крайней мере, мне это видеть не приходилось. Он жил в своей московской клетке постоянно на людях и за ним следили сотни предвзятых глаз. Он все больше скисал.

Каждый понедельник, ранним утром, мы по-прежнему собирались в кабинете первого секретаря – члены бюро горкома и редактор газеты. Совещания теперь проходили вяло, без привычного ельцинского громогласия: «Это ш-шта такое?!» Члены бюро кратко и по-казенному отчитывались за неделю, Ельцин ладонью правой руки молча катал по столу горсть карандашей. Искру возмущения в сидящих высекал обычно председатель Мосгорисполкома Валерий Сайкин. Вообще-то это был не амбициозный человек, а дорога его по жизни начиналась как у меня: рос в многодетной семье без отца, погибшего на фронте, занимался классической борьбой... Правда, он коренной москвич – работал на ЗИЛе директором, там его заметил Горбачев и сосватал Ельцину в предгорисполкома. Уже тогда замаячила в столице катастрофа с коммунальным хозяйством – тысячи километров водопроводных и канализационных труб превысили все сроки эксплуатации. Срочных мер требовали другие большие проблемы.

Сайкин считал, что всем этим должны заниматься райисполкомы, а сам взялся за строительный комплекс. Он исходил из здравого смысла. Но райисполкомы при Промысловых были как бы на беспривязном содержании и разучились работать. Дело шло с большим скрипом – ответственных за него не сыщешь. Позвонишь Сайкину, чтобы поговорить, а секретарша: «Валерий Тимофеевич на железнодорожной станции на разгрузке пиломатериалов». Или: «Валерий Тимофеевич на разгрузке шифера...» Так и хотелось ругнуться: «Елки-палки, он что, работает бригадиром кровельщиков, а не председателем горисполкома?» Газета писала обо всем этом – Сайкин скандалил. Они там, на ЗИЛе, были защищены от критики пуленепробиваемым гришинским щитом и таким же щитом хотели теперь опоясать горисполком. Почему-то особое раздражение вызывали у Сайкина публикации о плохом качестве овощной продукции в столице.

Он привел к себе в замы химика – работника Минхимпрома СССР, тоже коренного москвича, и поручил заниматься плодоовощными базами. При мне его утвердили на заседании бюро горкома, и Ельцин, перекладывая бумаги, сказал: «Будет теперь у Сайкина зам по капу-

сте». Этим замом стал нынешний академик значительного числа академий, почетный работник почти всех отраслей и, главное, инициатор переброски северных рек в сторону руководителей правящей партии мэр Юрий Лужков. К нему еще вернусь в следующих главах. Мы вместе с ним были депутатами Моссовета, встречались на сессиях, но никогда он не подходил ко мне с какими-либо претензиями.

Эти претензии Сайкин, видимо, копил для понедельничных совещаний у Ельцина. Он взлетал в рассуждениях с вялых вилок капусты до твердых позиций в политике: газета зарвалась, все ее полосы надо обрамлять в черные рамки. Температура за столом поднималась. Члены бюро по очереди, исключая Юрия Белякова, апеллировали к первому секретарю: газета призвана поднимать авторитет коммунистов-руководителей, а «Мосправда» втаптывает их в грязь. Ельцин слушал молча, время от времени посматривая на меня. Его глаза как бы говорили: «Мотайте себе на ус!» Обычно он заканчивал совещания, не комментируя выступления членов бюро. Но как-то очень усталым голосом сказал мне:

– Знали бы вы, что приходится выслушивать в ЦК мне по поводу газеты...

Вскоре об этом узнал и я. Политбюро проводило совещание с главными редакторами центральных газет. Вызвали и меня, поскольку я утверждался на свою должность секретариатом ЦК КПСС. В небольшом зале длинный стол президиума, за которым живые боги, вершители судеб нашего брата – объекта перестройки: в центре Горбачев, по разные стороны от него члены Политбюро: Лигачев, Соломенцев, Зайков, Чебриков, Воротников, Никонов и другие. Начался ровный разговор: какая газета удачно проводит линию партии, а какой нужно бы добавить оптимизма в статьях. Перестройка вступает в решающую стадию, и журналисты обязаны уже сами видеть человеческое лицо социализма и с выгодных ракурсов показывать его людям. Щипнули «Аргументы и факты», пожестче прошлись по «Московским новостям»...

И тут почему-то Никонов, секретарь по селу, с которым горожан связывали разве что поездки на уборку картошки, заговорил о «Московской правде». На его взгляд, это очень вредная газета – она заражает народ пессимизмом. В президиуме поднялся шум. Сильнее всех распалился Лигачев. «Это не газета, это антипартийное безобразие, – нажимал он на голос. – Такие надо закрывать к чертовой матери». Конкретизировал причины разноса секретарь ЦК Александр Яковлев. «Московская правда», говорил он, как крыса, подгрызает коммунистические основы и – какое кошунство! – замахивается даже на Ленина. Из президиума волной плеснулся выдох негодования. Это потом они, в безопасные времена, стали выдавать себя за давних борцов с тоталитаризмом.

За несколько дней до совещания мы опубликовали статью Шода Муладжанова «Чья карета у подъезда?». В ней – о кортежах лимузинов с сановными чиновниками, которые носятся по улицам, подвергая опасности всех остальных. В статье назывались и адреса, где у подъездов спецшкол и спецучилищ всегда столпотворение государственных машин – привозят и отвозят отпрысков крупных вельмож. И когда очередь в президиуме бросить свой камень дошла до Председателя КГБ СССР Чебрикова, он голосом железного Феликса сказал, что как раз эти публикации привели к вчерашнему опасному инциденту. Двигался кортеж секретаря ЦК, а из кустов его забросали камнями. «Полторанин подстрекает народ на бузу, – заключил Председатель КГБ. – За это надо под суд отдавать!»

Я жвал голову в плечи – неужели сейчас зайдут с наручниками? И взглянул на Горбачева. Он смотрел на меня. В его глазах искрилась усмешка, а лицо выражало удовлетворение. Два года спустя на первом съезде народных депутатов СССР с таким выражением лица он смотрел в зал из президиума, а с трибуны катились потоки речей – одна смелее другой. В числе депутатов-москвичей я сидел в первом ряду, и наши взгляды встретились. Горбачев что-то быстро набросал на листе бумаги, поманил меня рукой и протянул записку. «Какой разброс мнений! Какой накал плюрализма!» – было в этой записке. Михаил Сергеевич очень любил, когда вокруг стояла пыль столбом от споров, но только не задевающих лично его. Он купался

в удовольствии от столкновений одних групп с другими. И от возможности в любой момент непрерываемым словом рассадить всех сверчков по своим шесткам. Но сейчас, в этом зале, столкновений не было, если не брать во внимание чью-то цель бить по стороннику Ельцина, а рикошетом по самому Ельцину. Была обычная порка несговорчивого человека, шел тяжелый каток по улице с односторонним движением. Политбюро хотело и дальше превращать всю страну в эту улицу и давить катком тех, кто отважился двигаться не по правилам верховных властителей. Перестройка не тронется с места, пока не спустишь партийных богов с их защищенного от законов политического неба.

Члены Политбюро, видимо, рассчитывали на оргвыводы. Но Горбачев завершил заседание неожиданно примирительным тоном.

– Ладно, – сказал он, – люди здесь все взрослые. Понимают, на что идут. Пусть делают выводы из нашего разговора.

Выходили в «предбанник» молча. В одних глазах коллег я видел злорадство: «Доигрался, парень!» – в других сочувствие. И тогда, и сейчас редактора – народ очень разный. У большинства из них в генах сидит священный трепет перед начальством, они готовы поклоняться даже пеньку, если его водрузили по недоразумению на божницу. Они будут гнобить несогласную мысль, прикрывая свое ничтожество демагогией о высоком долге перед страной. И гораздо реже – перед тобой люди с внутренним стержнем, которые учитывают объективную ситуацию, но при этом стараются соответствовать своему профессиональному предназначению.

Вернувшись в редакцию, я долго сидел в одиночестве и отходил от высочайших оплеух. Ох и паскудная у меня жизнь – ни дня, ни ночи покоя. До моего прихода в «Мосправду» по утвержденному свыше графику номера газеты сдавали в печать ранним вечером. После шести в столице происходили значительные события, творились сенсации, а завтрашний номер в типографии уже был отпечатан и приготовлен к доставке. Новости москвичи узнавали по телевидению – зачем им газета, которая дает материал с опозданием на сутки. Это, естественно, сказывалось на тираже. Я упросил Ельцина повлиять на управделами ЦК, чтобы с нас не брали штрафы за сдачу в типографию номеров в более поздние сроки. Он договорился. И мне приходилось работать в редакции до двух или даже до четырех часов утра, а в десять утра – планерка. Но до нее нужно еще успеть прочитать подготовленные отделами материалы. Да к тому же постоянные дерганья по инстанциям и споры с опровергателями.

У меня от авитаминоза уже проступили пятна на руках. Так я сидел, вспоминая злые лица членов Политбюро, и фантазировал: очутиться бы на прежней работе, да отправиться в командировку, например к рыбакам Камчатки, где лососи пляшут в струях водопадов, пробиваясь вверх по течению. Или поехать опять к воркутинским шахтерам и там после спуска в забой, соскоблить с себя в бане угольную пыль, выпить залпом ковш холодного кваса да поговорить с горняками по душам. Только ведь снова начнут шахтеры мучить вопросами: почему они в богатой стране сидят даже без жратвы. И неужели я, мужик из народа, не вижу, сколько развелось вокруг паразитов. Вижу, конечно. (Догадывались бы они, сколько станет паразитов лет через 10–15!) И знаю давно, что главные паразиты сидят в Кремле, а они, как тарантулы, рожают скопище паразитов поменьше. И пока маток-тарантулов не раздавишь, все будет изрыто норами вседозволенности. Нет, не до созерцания мне лососевых карнавалов, надо не обращать внимания на синяки и делать свое маленькое дело. Капля за каплей, капля за каплей – и даже от чиха ягненка поползет по валуну широкая трещина.

Правда, выпускать интересные номера становилось все сложнее. Почти ежедневно мы сцеплялись с цензором из Главлита, приставленным к «Мосправде». Он взял манеру третировать нас ультиматумами далеко за полночь. Днем, как хореk, отлеживался где-то в дупле, а по темноте принимался за наш курятник: или надо кастрировать материалы или цензор вышвырнет их из номера. Я своими злыми ночными звонками просто достал его начальника, главного цербера страны Болдырева. Спросонок он долго не понимал, о чем речь, просил передать

трубку стоящему рядом со мной цензору. Иногда позволял пропустить статьи в прежнем виде, а чаще нам приходилось кроить их абзацами (времени для переверстки номера не оставалось), выплескивая заложенный смысл.

Зазвонил телефон – в трубке был усталый голос первого секретаря

– Вернулись? – с нотками равнодушия спросил он. – Почему не докладываете?

– А что, – говорю, – докладывать? Ну, топтали меня, ругали последними словами...

– Знаю, – сказал Ельцин, – в горкоме уже потирают руки.

Этой фразой он как бы отделял себя от горкома. Случайно вырвавшись, фраза выдала его настроение последнего времени: он один, и по ту сторону идеологического плетня остальной горком.

Помолчав, Ельцин предложил:

– Надо пригасить критику. Зачем гусей дразнить.

Что значит пригасить? Газета ведь занимается критикой не ради критиканства. Мы отстаиваем конституционные права граждан и тех, кто ставит себя выше Основного закона, за ушко вытягиваем на солнышко. Любое предложение в газете по реформированию системы можно заклеить очернительством. Любую статью о воровстве чиновников можно истолковать как призывы к погромам. У демагогии нет берегов. И нельзя перед ней выбрасывать белый флаг. Это я постарался объяснить Ельцину. Он слушал, не перебивая, но в конце разговора сказал:

– Все-таки подумайте...

Летнее затишье в конторах чиновников дело обычное. Отпуска, поездки делегаций за рубеж. И к концу лета 87-го московская политическая жизнь находилась в состоянии дремы. Но это было затишье с настораживающим подтекстом. Будто сидишь у себя в комнате дома, а в подполе что-то шуршит, кто-то возится беспрестанно. Знаешь, там обитают мыши. Но почему они так возбуждены?

Газета продолжала свое дело, нужно было уточнять с чиновниками кое-какие факты или моменты. А позвонишь отраслевому секретарю горкома, и секретарша тебе: «Он уехал в ЦК». Позвонишь кому-то еще – то же самое. Один уехал, другой... Ельцин терпеть не мог, когда кто-либо из работников горкома бегал в ЦК за его спиной. А тут кот еще на крыше, но мыши уже пустились в пляс. С чего бы это?

5

В августе меня вызвал к себе зав. отделом пропаганды Юрий Скляр. Тоже бывший правдист – суховатый, педантичный исполнитель. Он сказал, что в секретариате ЦК готовится вопрос об отстранении меня от должности. Тут же был зам. заведующего, и Скляр велел мне идти с ним для мужского разговора. Меня повели по этажам Старой площади, ключом открыли двери неприметной комнатки и усадили за стол. В комнатке не было даже телефона. Замзав сказал, что они выполняют поручение товарища Лигачева, и изложил суть этого поручения.

Оказывается, они считают меня своим человеком, который участвовал в разработке концепции перестройки и по поручению ЦК как правдист расследовал неприглядную деятельность некоторых первых секретарей обкомов КПСС – их потом снимали с работы. Но вот я связался с авантюристом Ельциным и порчу себе карьеру. Зачем мне это нужно! Мне надо только написать записку на имя Лигачева, будто я раскаиваюсь как истинный ленинец и что антицековская, антипартийная и другая антизараза исходит от Бориса Николаевича: это он меня заставляет делать такую омерзительную газету. Напишу – и вопрос о снятии меня с должности отпадет. Могу работать хоть до Второго Пришествия.

Вот с какой стороны они решили ударить! Сказать, что я сильно был огорошен, значит ничего не сказать. Оскорбительно, конечно, когда тебя принимают за такой же партийный пластин, как и они сами. Система вылепила из них не то сторожевых тварей, не то падалицы-

ков, и они абсолютно уверены в податливости моральных устоев других. Но меня встревожило иное. Чтобы трусоватые клерки из аппарата ЦК начали говорить о кандидате в члены Политбюро в таком непочтительном тоне и так развязно, должны были произойти наверху события исключительного характера. События, предопределяющие крутой поворот в судьбе Ельцина. Я догадался: Лигачев шьет дело против московского секретаря. Не случайно, выходит, активно таскают работников горкома в кабинеты ЦК. И от меня требовали забить свой гвоздь в гроб его политической карьеры. На такую акцию пойти самостоятельно Лигачев не мог – не того он полета. Значит, получено «добро» от генсека?

Записку писать я отказался. Не надо меня унижать предложением стать Иудой, тем более что Ельцин никогда не вмешивался в политику газеты – ее определяю я, как редактор. И я один несу ответственность за содержание «Мосправды». Сказал это замзава и поднялся уходить.

– Нет, номер не пройдет, – остановили меня. – Приказано закрыть в комнате и пока не будет записки, не выпускать.

Замок в двери щелкнул, и я остался один.

Все это походило на дурной сон. Они хотели припугнуть меня, пройтись шантажом по нервам, как наждаком? Что-то совсем обнаглели ребята из аппарата ЦК, но не должны же они заигрывать. Однако время шло, а обстановка не менялась. Через каждый час в дверь просовывалась физиономия замзава: «Написал?» – «Нет!» – «Ну, тогда сиди дальше!» Не бить же его стулом по голове. Потом замзав, видимо переключился на другую работу, и вместо его знакомого до боли лица стало появляться очкастое диво инструктора.

Давно закончился обеденный перерыв – сижу без еды, без воды, без возможности сходить в туалет. Надо что-то придумывать! Без телефона не позвонишь никому (о мобильных тогда еще слухом не слыхивали), а нужно срочно выйти на Ельцина, и на работе меня, конечно, уже потеряли. Стал настойчиво стучать в дверь, инструктор появился не сразу. Я сказал, что созрел до записки. В ответ самодовольная ухмылка: «Давно бы так!» Только, говорю, сто лет уже не пишу от руки, мне нужна пишущая машинка и приспичило в туалет. Инструктор остался ждать у дверей приемной замзава, где стояла машинка, а я направился к туалету в конец коридора. И, поравнявшись с лестницей, стремглав бросился вниз, а там мимо постового – на выход.

Ельцин был в кабинете один. Мой рассказ он выслушал с озабоченным видом. Иногда останавливал и просил вернуться к каким-то деталям.

– Я чувствую, как меняются настроения наверху, – сказал Борис Николаевич. – И Лигачеву Михаил Сергеевич уступает все больше власти. Тот им пытается командовать на заседаниях Политбюро. А с Лигачевым у меня сейчас отношения хуже некуда.

Ельцин встал, повесил на спинку стула пиджак и медленными шагами принялся ходить по кабинету. Кривясь от подступающей боли, потирал время от времени левую часть груди правой рукой. Ходил молча и долго.

О чем он думал? Терзала Ельцина, мне кажется, мысль, что Горбачев отступился от него окончательно. Сдал на милость московской мафии. Сдал на милость ненавистного аппарата и прежде всего аппарата ЦК, который расставлял руководящие кадры в обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик. И мог в удобный момент, настроив этих людей, попортить кровь генсеку. А у аппарата свой царь и бог – его могущественный куратор, второй секретарь ЦК Егор Лигачев.

Может, он думал о чем-то о другом? Но вот Борис Николаевич остановился у телефонного аппарата кремлевской связи, постоял в раздумье и, решительно сняв трубку, позвонил Лигачеву.

– Егор Кузьмич, – сказал он чуть звенящим от напряжения голосом, – у меня Полторанин – он сбежал от ваших людей. Зря вы томите его в какой-то камере, как заключенного. Спросили бы лучше меня...

В трубке с сильной мембраной даже на расстоянии было слышно нервное возмущение Лигачева.

– Какая тюрьма? Какие люди? Что ты там напридумывал! – кричал он, то ли не понимая причины звонка, то ли делая вид, что не понимает.

– Спросили бы лучше меня, – повторил Ельцин с нажимом, – я сам в состоянии отвечать. Да, это я направляю редактора! Да, это я даю ему поручения! Что вы хотите еще услышать?

Он говорил, конечно, неправду, потому что до поручений не опускался никогда. Мы сами творили, полагаясь на свои взгляды и опыт. Он просто решил отвести удар от меня, взять огонь на себя. В такой-то тяжелый момент, когда к ногам его уже подступили потоки грязной партийной подлости.

Это был поступок с большой буквы. В нем снова проснулся Боец, ему нравилось чувствовать себя хозяином положения. Пусть даже на короткое время.

– Без нашего согласия они вас не снимут, – решил он на прощание успокоить меня, хотя знал, что я пришел совсем не за этим. – А мы согласия не дадим.

Ельцин навряд ли знал, что Горбачевым замышлялись революционные, одному ему ведомые реформы в стране. Ради них генсек должен был уцелеть, не потерять силу. Поэтому ему нужны сторонники и союзники, крепко стоящие на ногах. Он обязан был не ошибиться в выборе между враждующими сторонами. И этот выбор был сделан. Боец Ельцин все еще вызывал симпатию своими бесхитростными поступками и убежденностью в необходимости жесткой ломки системы. Но он одиночка по сути. Ушлый Лигачев с двойным дном считал перестройку временной блажью. Но – за ним аппарат, и он предсказуем. Публично Лигачев заявлял: в партии у нас один вождь, а все мы – его тень! И в этом он был союзником. Хотя за кулисами вел свою игру. Ельцин шумел: в партии не должно быть вождя, мы все отвечаем за дело в равной степени. И этим он нес опасность, расплескивая по стране бензин анархизма, где уже занимались очаги недовольства. Хотя для себя воспринимал Горбачева как безусловного лидера.

Так что выбор был сделан не в пользу Лигачева или Ельцина. Победить должен Горбачев. Но для этого проиграть предстояло Ельцину.

После памятного разговора мы виделись очень редко. Он еще попытался вынуть голову из петли и отправил в сентябре отдохавшему на море генсеку длинное письмо. В нем с позиций «рябины кудрявой» корил Горбачева за отвергнутую любовь. Но генсек не ответил. Так поступают эстрадные звезды с назойливыми фанатами.

А потом грянул октябрь, с его пленумом ЦК и речью на нем Бориса Николаевича.

На следующий после пленума день и пространство вокруг ельцинского кабинета, и даже весь «секретарский» этаж словно вымерли. Конца ждали, но стремительная развязка всех оглоушила. Ельцин сам сдирает с себя погоны, он больше Никто!

В гостинице «Москва», еще накануне вечером, знакомые члены ЦК из регионов пересказали мне выступление Бориса Николаевича. Почти со стенографической точностью. Выходила какая-то невнятина: Ельцин просил отставки, потому что кто-то наверху мешает ему вернуться, и партия начала отставать от народа. Это звучало жалобой на судьбу, высказанной клочковатыми мыслями. ВИП-постояльцы гостиницы поиздевались надо мной. Мол, не мог написать своему шефу приличную речь. А я узнал о ней вместе со всей Москвой, когда покатился слух и затрещали все телефоны. Почему и помчался к знакомым в гостиницу за новостями.

По звонку Ельцина я пришел к нему по этому вымершему пространству – Борис Николаевич сидел бледный, подавленный. Он поинтересовался реакцией московской интеллигенции на вчерашнее событие (он всегда спрашивал меня о мнении людей на происходящее). А какая реакция, если никто ничего не знает – одни слухи! Правда, рассказал о встречах в гостинице и спросил, как он мог подняться с такой неподготовленной речью?

– Не собирался выступать, – признался Ельцин. – Но сидел, слушал похвалы Горбачеву с его окружением – что-то накатывало. Начеркал короткие тезисы на обшлагах рубашки. И решил выложить все, что думаю.

Это нервы. Они у него не выдержали напряжения, которое нарастало с каждым днем. И получилось, что думает-то он мелкогато. Убого. И никакой Ельцин не боец, а капризный политический недоросль.

Зная о приготовлениях неприятеля, он должен был сам готовиться к генеральному сражению. Готовиться основательно, подтягивая крупнокалиберные идеи. И дать это сражение в удобный момент. А он, юнец, выскочил на поле раньше времени, да еще с обыкновенной хлопущкой. И не только подарил ненавистной бюрократии повод поизмываться над своей интеллектуальной несостоятельностью. Он плюнул на тех, кто поверил в него, и укрепил убежденность воровской чиновничей шайки столицы в ее безнаказанности.

6

Как и сейчас, Москва соединяла в себе два непохожих города. Один – это серые непричесанные кварталы для, как теперь говорят, рядовых москвичей. А удел рядовых – томиться в очередях за дряблой морковкой, за справками у приемных чинуш, за разрешением на копеечные льготы. Их никто не заковывал в цепи – они сами уступили свои права. И вместо того, чтобы вернуть их активными действиями, ждали мессию от партии. Но мессия вроде бы появился и вот уже шлет прощальный привет.

А другая Москва – это лоснящийся от самодовольства Воруи-город. В нем лучшие дома, лучше устроен быт и ломаются от изобилия закрома. Трудно очистить Воруи-город от скверны. У него – хозяева взяточники-чиновники самого высокого ранга. За ними идут их поделщики, их прихлебатели, прикормленные преступные авторитеты. А еще из Воруи-города проложено много тайных ходов – в Кремль и правительство, – по которым разносят воровскую долю влиятельным персонам. И вот чуть было пригорюнившийся Воруи-город засалютовал самоубийственной выходке первого секретаря. И схватил за грудки другую, нищую Москву: «Ну, кто тут тьякал, что нас можно победить?!»

Помнится, в тот же день Ельцина уложили в больницу, и я увидел его только одиннадцатого ноября, когда Бориса Николаевича привезли прямо из палаты на пленум Московского горкома.

Я не был членом горкома, но усиленная охрана пропустила меня на этаж, где шла подготовка к политической казни первого секретаря. На сцене-эшафоте трибуна и пустой пока стол для президиума. Первые пять пустых рядов зала отгорожены тряпичным бордовым канатом, вдоль него спинами к сцене выстроились кэгебисты-синепогонники. В конце зала уже рассаживались кучками статисты – члены горкома. А у дверей зала заседания бюро еще один строй синепогонников – за дверями Лигачев с Горбачевым собрали будущих выступающих. На октябрьском пленуме Ельцин заявил только о самоотставке с поста кандидата в члены Политбюро, а про Москву самоуверенно сказал: будет так, как решат столичные коммунисты. «Петух свердловский! – наверное, думал о нем Лигачев. – Как мы прикажем, так и решат!» И теперь шла последняя накачка: кому что и как говорить.

Я поболтался по коридору и заглянул в кабинет секретаря горкома по идеологии Юрия Карабасова. Это был безвредный человек, с хорошим чувством юмора. У меня с ним наладились добрые отношения. Я спросил, собирается ли он выступать и что ждать от пленума.

– Не собираюсь, но могут заставить, – сказал секретарь. – А что ждать, сам не знаю. Это как повернет Горбачев.

Тут он распахнул свой пиджак и показал рукой на бумаги сначала в левом, потом в правом внутренних карманах.

– На всякий случай, приготовил две противоположные речи, – улыбнулся и подмигнул Карабасов, – одна в поддержку, а другая с осуждением.

А мог ведь перепутать в суматохе дебатов – не приведи, Господи! Но на трибуну его не потянули. Все выступавшие были подобраны по особым лигачевским стандартам, как огурцы в супермаркетах.

Распахнулась дверь зала заседаний бюро, и оттуда повели колонну «поднакаченных» ораторов. С двух сторон колонну сопровождал строй синепогонников – это выглядело как конвой. Проинструктированных рассадили на пяти отгороженных от всех рядах. Синепогонники остались в зале. Я пристроился на свободное место и вместе со всеми притих в ожидании.

Через какое-то время по рядам покатился шорох: «Ельцина привезли!» Так, наверное, катилось когда-то по Красной площади: «Пугачева ведут!» Ту т из боковой двери на сцену выплыло партийное руководство страны – Горбачев, Лигачев, Зайков и Медведев. Михаил Сергеевич вел под руку Ельцина, за другую руку первого секретаря поддерживал синепогонник. Все сели в президиум и поручили вести пленум второму секретарю горкома Юрию Белякову.

Несчастный Беляков! Его, приличного человека, сорвали из Свердловска с хорошего места, засунули в этот московский гадюшник, где бюрократия относилась к Юрию Алексеевичу как к креатуре Ельцина и считала чужим. Он тащил на себе в последние месяцы всю работу Бориса Николаевича, и теперь его вывели на эшафот распорядителем казни своего шефа. Не все выдерживали высоковольтное напряжение партийных интриг, и вскоре Беляков ушел из жизни в возрасте пятидесяти с небольшим. А тут лигачевские шавки вручили ему список фамилий подготовленных выступающих – там были сплошь люди, которых Ельцин выгнал с работы. По этому списку Беляков весь вечер бубнил, не поднимая глаз: «Слово предоставляется... Слово предоставляется...»

Ни до, ни после этого я никогда не видел столько помоев, вылитых на одного человека. Поднимались по списку из первых пяти рядов – и по бумажкам клеймили Ельцина. Он негодяй, он подонок (я не придумываю эти слова) и ходит с ножом, чтобы ударить партию в спину. Он утюжит руководящие кадры дорожным катком. Он выгнал с работы за ничтожные взятки большого чиновника, и тот стал приносить домой меньше денег, поэтому вынужден был выбраться в окошко. И так весь вечер. Досталось по первое число и «Московской правде». Некоторые в зале не понимали, что сами разоблачают себя. Ельцин сидел с фиолетовыми губами и опущенной головой. Поднимал ее, скосив удивленный взгляд на трибуну, когда кто-то предлагал судить его как преступника. Он помнил, как эти же люди еще недавно на пленумах говорили: повезло Москве, что у нее есть Ельцин. И сейчас, наверное, скажи вдруг Горбачев: «Хватит! Мы доверяем вашему первому секретарю», и все пять первых рядов, порвав заготовленные тексты и расталкивая друг друга локтями, побегут к трибуне клясться в любви. Ведь принципы чиновников, насаженных на властную вертикаль, как на осиновый кол, были, есть и будут мягче куриного студня.

С лица Лигачева не сходило выражение торжества. Лицо Горбачева менялось по мере того, как нарастал поток помоев с трибуны. К концу пленума генсек сидел красный, задумчивый, устремив взгляд в дальнюю точку зала. И мне показалось, что мысленно он уже не здесь. Мысленно он видит, как точно так же когда-то партийные подхалимы топчут его. Топчут грубо, до хруста костей, не соблюдая приличий.

И покаянные слова своего политического крестника он почти не слушал. Не слышать бы их и нам, переживающим за Ельцина. Это был лепет морально раздавленного человека. Это было обращение к «Воруй-городу» с просьбой простить его за временно причиненные неудобства столичной мафии.

Ельцина увезли в больницу, а первым секретарем горкома сделали Льва Зайкова. К Москве он отношения не имел, родился в Туле. Но ближе к ночи лигачевские службы передали

во все газеты по ТАССу биографию Зайкова, где, черным по белому, было написано: родился в Москве. Да еще подчеркнули: обязательно дать в этой редакции. Деталь незначительная, но говорила о многом. Для рабочего люда столицы нет разницы, кто где родился или крестился. А «Воруй-городу» из Кремля был подан сигнал: «Мы человеку даже документы подделали, чтобы его приняли за своего». А свой своему в этом городе, как ворон ворону...

Зайков принял мою отставку, но попросил какое-то время еще поработать, пока в ЦК не подберут нового редактора. Пошли пустые дни, мы все выскребали из души, как грязь, впечатления от московского судилища. Академия общественных наук собрала как раз на семинар редакторов партийных и молодежных газет всех областей Советского Союза. Они захотели встретиться со мной – и как с редактором, и как с секретарем Союза журналистов СССР. Я подготовил выступление о жизни столицы и вышел было с ним перед коллегами. Но какое там! Они сказали: «Брось валять дурака! Расскажи, что тут за грохот вокруг имени Ельцина!» Его выступление на октябрьском пленуме так и осталось секретом, а грубая ругань по поводу Бориса Николаевича на московском политическом шоу была опубликована повсеместно. Редактора хотели понять, почему такое бешенство номенклатуры на речь Ельцина. Не из-за пустяков же! Знали бы они, что именно из-за пустяков, что именно из-за больного самолюбия партийных вождей, задетого только мизинцем. Но как им объяснить?

Кровь из носу, но я должен достать стенограмму выступления – чего тогда стоит работа в Москве! Такое коллективное решение вынесли мои коллеги. Я загорелся вместе с ними, еще раз вспомнил перекошенные хари на московской трибуне и сказал: хорошо, буду стараться! Тем более что редактора молодежных газет пообещали найти лазейки и напечатать текст. У них отношения с комсомольским начальством либеральнее.

А дома я сел и задумался: что сейчас народ волнует больше всего? Да то же, что и нас в редакции. Кругом трескотня об успехах, а жизнь все хуже и хуже. И я стал писать. Болтовня о перестройке – это дымовая завеса, за которой прячутся истинные намерения высшей номенклатуры. Она не думает о людях, а только устраивает свою жизнь. Вместо школ и детских садов воздвигает на берегу моря дворцы для себя. Вместо того, чтобы улучшать обеспечение народа, забирает у него последнее для своих спецраспределителей. Лигачев создал в ЦК удущающую атмосферу подхалимажа и лепит из Горбачева нового идола. Слово правды в партии под запретом. А именно партия доводит страну до ручки. И если партия не начнет внутри себя срочное очищение, народ вынесет ей приговор. И дальше в таком же духе почти на четыре страницы. Не ахти какая смелость по сегодняшним временам, но переживать тоже не стоило.

Этого не было в выступлении Ельцина. Но это рассчитывали от него услышать многие люди. Я знал, что стенограмму в ЦК мне никто не даст, да и не нужна она никому в том состоянии. И оформил свою писанину как выступление первого секретаря МГК. Тогда становится понятным взрыв бешенства в рядах номенклатуры. Она сама играет без правил, как преступное формирование, и не заслуживает рыцарского отношения к ней. И в выступлении – все правда. Просто одна фамилия будет заменена на другую. А в общем, это теплый привет родному ЦК.

На ксероксе с друзьями мы изготовили больше ста экземпляров. Я передал их редактору молодежки из Казахстана Федору Игнатову, и он «одарил» ими коллег. Знаю, что выступление было опубликовано в прибалтийских газетах, на Украине и даже на Дальнем Востоке. Текст пошел по рукам. О Ельцине заговорили. Позже стали гулять по стране еще два или три «выступления». Более радикальные. А потом партократы спохватились и напечатали речь в журнале ЦК. Но ее-то народ и посчитал за подделку.

С женой Ельцина Наиной Иосифовной и мамой Клавдией Васильевной мы поехали к нему в больницу на Мичуринке. Я покидал «Московскую правду», переходил политическим обозревателем в Агентство печати «Новости» (АПН) и хотел сказать прощальное «спасибо» за совместную работу. Жена и мама Бориса Николаевича сделали свое дело и уехали. А мы

остались одни. В центре холла журчал фонтан, мы сели на скамейке под декоративными пальмами. И долго говорили про жизнь.

Выглядел он получше – чувствовалось, что поправляется человек. И лицо у него стало злее, и кулаки сжимались чаще. Он о многом передумал здесь, на больничной койке, и, видимо, многое переосмыслил. В нем происходили заметные, качественные изменения. Вроде бы обсуждали постороннюю тему, вдруг он переводил разговор на партию – вихрь возбуждения рождался внутри него и поднимался вверх. Злость, если не сказать злоба, сипела сквозь стиснутые зубы, как пар из перегретого чайника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.